

INSPIRIA

18+

ТА
Желание сильнее страха
РР
Сплетение
ЕЮ

БРИНН ЭШЕР

INSPIRIA

Бринн Эшер
Сплетение
Серия «Circake. Страсть
под прикрытием»
Серия «Агенты», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74164321

Бринн Эшер "Сплетение": ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-250724-3

Аннотация

Новый страстный профессионал в цикле «Агенты».

Два года слежки. Секунда на спасение.

Мир доктора Эви Личфилд рухнул в тот день, когда муж заказал ее убийство. Теперь она вместе с маленьким сыном превратилась в мишень. Чтобы уцелеть, ей придется положиться на незнакомца, чья жизнь уже два года незримо сплетена с ее собственной.

Мика Эмметт, агент УБН, был невидимым свидетелем будней Эви. Его реальность состояла из потока чужих голосов и секретов, пойманных через наушники прослушки. Эви числилась у него лишь «объектом» в отчетах, пока на нее не открыли охоту.

Когда зазвучали выстрелы, только Мика встал между ней и наемным убийцей.

Теперь они в бегах. Под броней спецагента скрывается первобытная ярость и пугающая нежность к женщине, чей голос он полюбил задолго до первой встречи.

Современное прочтение «Телохранителя». Тот самый случай, когда за его спиной можно наконец-то выдохнуть и просто быть собой.

«В этой книге есть все: от искрометного юмора до страсти, которая плавит страницы. Потрясающее продолжение цикла!» – Amazon

Содержание

1. Погружение во тьму	6
2. В смысле правительственный агент?	14
3. Переломный момент	33
4. Заказ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Бринн Эшер

Сплетение

Художественное оформление Радия Фахрутдинова.
Леттеринг Анастасии Ивановой.

Brynne Asher

TAPPED (THE AGENTS #2)

Copyright © 2023. TAPPED by Brynne Asher the moral rights of the author have been asserted

Cover design by Bernadett Lankovits/MSB Design

© Жукова М., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2026

* * *

*Мастерам дисциплины с любовью.
Да пребудет со мной ваша сила, когда я возьмусь
за следующую книгу*

1. Погружение во тьму

Эви

Чувство вины – скотское чувство.

Оно обхватило мое горло липкими пальцами и выдавило все капли жизни из моей души.

Я не могу дышать.

Фигурально выражаясь.

Физически со мной все в порядке.

Я бы знала, если бы это было не так. Я же врач.

Я сделала все, чтобы оттянуть начало новой главы своей жизни. Я не хотела такой жизни для Чейза, да и для себя тоже. Но Джефф – не тот человек, за которого я выходила замуж. Больше не тот. Бывают дни, когда я смотрю ему в глаза и вижу незнакомца.

– Что у нас на ужин, мам?

Я ловлю взгляд сына в зеркале заднего вида. Все, время вышло. Откладывать нельзя.

Сегодня его отцу вручат документы о разводе. Я несколько месяцев назад просила Джеффа разъехаться, но он и слышать об этом не хотел. После разговора с адвокатом, который по совместительству является и моим братом, я поняла,

что время пришло.

Джефф нажал на тормоза и добровольно никуда уходить не собирается.

Я не знаю, как отреагирует Чейз. Сын у нас умный мальчик. А еще он наполовину тиран и наполовину милашка.

Мой малыш.

Маленький мальчик, с которым его отец никогда не проводит время. Он относится к нему скорее как к неприятной, но необходимой обязанности, работе по дому, а не как к ребенку.

Вынеси мусор.

Поменяй масло в машине.

Почини фильтр в бассейне.

Люби своего сына.

Всех этих вещей мой муж, который вскоре станет бывшим, избегает как чумы.

Он предпочтет посмотреть игру с друзьями или отправиться на рыбалку на этом чертовом катере, на покупке которого он настоял, чтобы мы не отставали от семьи Джонсов.

Серьезно. Я не сменила фамилию, когда мы поженились, потому что училась в ординатуре. Да и Личфилды весьма влиятельны в Майами. *Джонсы* – никто в сравнении с моей семьей. Выше нас, наверное, только Глория Эстефан и Питбуль¹.

¹ *Глория Эстефан* – американская певица и автор песен кубинского происхождения. Претендует на титул королевы латиноамериканской поп-музыки. *Пит-*

Я пропускаю его вопрос мимо ушей. После того, что Чейзу предстоит услышать, я разрешу ему съесть все, что он захочет.

– Малыш, нам нужно кое о чем поговорить. Сегодня папы не будет дома.

Я бросаю быстрый взгляд в зеркало заднего вида, чтобы увидеть реакцию Чейза. Он совсем не расстроен. Все его внимание поглощено трансформером. Он увлеченно возит-ся с игрушкой в своем автокресле.

– Значит, можем купить куриные наггетсы по пути домой?

Я снова перевожу взгляд на автостраду, которая сегодня свободней, чем обычно. Я должна вести этот разговор с сыном вместе с Джеффом. Но нет. Муж отказывается признавать тот факт, что наш брак исчерпал себя уже довольно давно.

С меня хватит. Выхода нет. Все это разгрести придется мне самой.

Я откашливаюсь.

– Папа съезжает из нашего дома. Теперь он будет жить в другом месте, и у него будет свой дом.

Я смотрю в темные глаза сына в зеркале. Наконец мне удалось завладеть его вниманием.

– Он будет жить в другом доме?

Я киваю и так сильно сжимаю руль, что белеют костяш-

ки пальцев. Я пытаюсь вспомнить речь, которую бесконечно повторяла про себя, готовясь к этому моменту. Я обещала себе, что не буду извиняться и врать нашему сыну. Одного человека недостаточно для того, чтобы брак «работал».

– Да, малыш. Я знаю, нам всем нужно время, чтобы привыкнуть к переменам, но с тобой все будет хорошо. Мы оба тебя любим. И это никогда не изменится.

Хотя кого я обманываю? Вряд ли Джефф вообще знает, что такое любовь. Он стал совсем другим.

В машине стоит тишина, слышен только тихий гул авто-страды. Я чувствую, как маленькие шестеренки крутятся в голове у Чейза. У меня в животе все скручивается от беспокойства.

– Папа Лейни с ними не живет. У нее два папы. Ее второй папа живет у нее дома, рядом с нами, но она зовет его Майк, и ей приходится ездить к папе, чтобы с ним увидеться. Именно поэтому она иногда не может вместе со мной играть.

– Да, все правильно, – киваю я. – Мама и папа Лейни развелись, и у нее отчим. Как бонусный папа.

Перед тем как сменить полосу, я снова смотрю в зеркало. Чейз не сводит с меня глаз, словно без слов требуя ответа.

– Вы с папой тоже разводитесь?

Я делаю вдох и молюсь, чтобы сказать правильные вещи.

– Да. Как родители Лейни.

Чейз снова сосредоточивает внимание на своей игрушке и молчит.

Наконец я решаю его позвать.

– Чейз?

– Да?

– С тобой все в порядке? Ты хочешь об этом поговорить?

У тебя есть какие-то вопросы?

– Мне придется уезжать, чтобы встречаться с папой?

Проклятье. Именно из-за этого я и откладывала развод столько, сколько могла. Не делала большой решительный шаг. Меня буквально мутит от мысли, что Чейзу придется остаться у Джеффа одному. Сын никогда не соглашался ночевать ни у кого, кроме моих родителей. Он слишком ко мне привязан, а я никогда не принуждала его к чему-то против воли. Ну, если не считать овощей на ужин... да и в этой битве я обычно проигрываю.

– Мы решим этот вопрос, когда до него дойдет дело.

– Потому что я не хочу. – Он размахивает игрушкой и сквозь сжатые губы издает звук, напоминающий гул ракеты во время пуска. – Мы будем есть наггетсы?

Напряжение понемногу отпускает, хотя я понимаю: это только начало. До конца пути еще очень далеко, но свой материнский долг на сегодня я исполнила. У нас в запасе целое детство, чтобы поговорить. Я отведу его к психологу. Ведь терапия помогает, верно? Мне и самой она не помешала бы, хотя во всем виноват только Джефф. И главная его вина в том, что Чейз даже не расстроился. Ему все равно, что мы разводимся и папа съезжает. После такой новости его волну-

ют только куриные наггетсы.

– Да. Мы остановимся по пути домой и поужинаем.

– Я еще хочу мороженое! – кричит он громче, чем нужно. – И луковые колечки, и картошку фри с соусом барбекю и заправкой для салата.

Я уже собираюсь ответить, что куплю ему целый набор соусов для картошки, но мое внимание притягивает приборная доска.

Разноцветные индикаторы и сервисные лампочки мигают на панели, как гирлянды Четвертого июля².

К ним присоединяются звоночки и другие сигналы, предупреждающие о неисправности.

Прекрасно. Моей машине всего год, и вот – приехали. Еще одна проблема, на которую у меня просто нет времени. Настоящая метафора моей жизни: все летит под откос.

Я сворачиваю с автострады, чтобы добыть Чейзу его заветный ужин. Я сделаю что угодно, лишь бы отвлечь его от своих слов. Мы разводимся. И точка. Хотя Джефф и заявил, что костыми ляжет, но развода мне не даст.

Если бы я считала, что это имеет хоть какое-то отношение ко мне или Чейзу, или к нам, я продолжила бы борьбу за сохранение семьи. Я этим занималась два года.

Но с меня хватит.

² 4 июля в США отмечается национальный государственный праздник День независимости – день принятия Декларации независимости США в 1776 году от Королевства Великобритания.

С нашим браком покончено.

Я включаю правый поворотник и начинаю притормаживать.

Но машина почти не реагирует.

Я снова давлю на педаль.

На этот раз ответная реакция еще слабее.

Я давлю сильнее и почти вдавливаю педаль в пол.

– Проклятье. – Я быстро перестраиваюсь, чтобы не столкнуться с полуприцепом.

– Ты сказала «проклятье»! Ты всегда ругаешь папу, когда он говорит «проклятье».

Я не извиняюсь. У меня внутри все сжимается, мой мозг играет в догонялки с моими рефлексам.

Я снова давлю на педаль тормоза.

И снова, и снова.

Черт побери!

Тормоза не работают.

Я ищу рычаг аварийного тормоза, но здесь это только чертова кнопка. Я никогда ею не пользовалась. И сейчас я не на водительских курсах.

Я снова вынуждена перестраиваться, пока мы несемся по автостраде.

Впереди я вижу только красные огни. На нас несутся машины и приближаются дорожные бочки³.

³ *Дорожные бочки* – устройства регулирования дорожного движения оранжевого цвета, используемые для направления движения через стройплощадки или

Слишком быстро, черт возьми.

Мой голос прорезает салон машины.

– Чейз!

– Мама?

О боже.

Нет.

Я начинаю паниковать.

Разум затуманивается.

Я увожу машину влево, на узкую полосу обочины. Скрежет металла об ограждение выбивает фонтан искр, я пытаюсь сбросить ход, но мы все еще несемся вперед. Слишком быстро. Слишком опасно.

Чейз кричит.

У меня перед глазами, словно в замедленной съемке, проигрывается несколько жутких сцен из фильма ужасов.

– Чейз, держись, – ору я, но слишком поздно.

Мы налетаем на дорожные бочки. Все перед глазами заливает оранжевым: бочки крушат капот и с грохотом бьют в лобовое стекло. Скрежет металла, звон осколков превращаются в далекий гул, тонущий в моих криках и отчаянном плаче Чейза.

Мой мир погружается во тьму.

предупреждения автомобилистов о строительных работах вблизи проезжей части. Альтернатива дорожным конусам, которые меньше по размеру. Используются в США, иногда Канаде и Мексике.

2. В смысле правительственный агент?

Эви

Шесть месяцев спустя

Иногда вынужденная пауза из-за травмы кажется отдыхом. Но для меня это лишь досадная заминка. Я хотела пройти через все это месяцы назад. Думала, что к сегодняшнему дню кошмар закончится. Что я уже привыкну к своей новой роли. Буду матерью-одиночкой. Разведенной женщиной.

Но несчастный случай...

Личфилды – исключительные люди во всех смыслах: карьера, брак, отцовство и материнство. Черт возьми, моя сестра была настоящей сорвиголовой, пока росла, но она добивается высших результатов во всем, даже в своих хобби. У нее есть награды за игру в пиклбол⁴.

Мой отец – основатель научно-исследовательской компании «БиоНова». Он начинал как химик, десять лет прово-

⁴ *Пиклбол* – вид спорта, сочетающий в себе элементы бадминтона, большого и настольного тенниса. Два или четыре игрока играют ракетками из дерева или композитных материалов через сетку перфорированным полимерным шариком.

дил исследования перед тем, как открыть свое дело. Его корпорация – одна из передовых в области медицины, и ее новейшие достижения помогают людям во всех сферах жизни. Компания отца и фонд не только спасли много жизней благодаря исследованиям и филантропии, но сделали и его самого невероятно богатым человеком.

Из тех, кому гарантировано место в списке Fortune 500⁵, где он числится последние пятнадцать лет.

Мать до замужества была оперной певицей. Затем она родила трех прекрасных детей, и это повлияло на ее диафрагму. Но не остановило. Она уже два десятилетия является президентом Института искусств в Майами.

Дедушка был архитектором. Его здания все еще прекрасно известны в южной Флориде благодаря художественному вкусу, с которым были построены.

Брат – юрист в «БиоНове».

Сестра – арфистка в Симфоническом оркестре Майами.

Талантливая арфистка.

Моя семья процветает во всех сферах. Идеальные браки, дети, славящиеся своими выдающимися достижениями, роскошные дома, достойные размещения на журнальных обложках.

Личфилды не знают, что такое провал.

Нельзя сказать, что я неудачница. Я пошла учиться в ме-

⁵ Fortune 500 – список 500 крупнейших промышленных компаний США, ежегодно публикуемый журналом Fortune.

дицинский институт вместо того, чтобы заниматься исследованиями, как хотел отец. Я хотела быть врачом. Я вошла в пять процентов тех, кто показал лучшие результаты на вступительных и выпускных экзаменах. Может, я и не помогаю управлять многомиллиардной компанией, но у меня важная работа. Я меняю жизнь людей к лучшему, только по-другому.

Это все, о чем я мечтала.

У пожилых людей с врачами особые отношения. Я регулярно осматриваю своих пациентов и в клинике, и в больнице. В этом заключается специальность гериатра. Я люблю свою работу, пациентов и коллег. У меня успешная карьера – все так, как нас учили родители.

Исключительно.

Но в том, что касается брака, я потерпела крах. Никогда не думала, что в книге моей жизни появится такая глава. Болезненный поворот сюжета. Я изо всех сил пыталась его избежать, но от этого падение оказалось только тяжелее. Моим спасением и главной ошибкой было умение закрывать на все глаза. Я убеждала себя, что смогу жить без любви. Делала это ради семьи, ради иллюзии спокойствия и, если быть до конца честной, чтобы сохранить лицо перед близкими. Да и перед всем миром.

Но я сейчас вернулась на полгода назад. Несчастный случай сорвал все мои планы. Пришлось восстанавливаться после чуть не состоявшейся встречи со смертью и сосредото-

читать внимание на Чейзе, и из-за этого развод пришлось отложить.

– Эви, не делай этого, черт побери. Дай мне еще один месяц. Я пойду к семейному психологу. Проклятье, давай съездим с Чейзом в отпуск. Втроем.

Чейз.

Из-за сына чувство вины становится сильнее.

Я обращаюсь к человеку, который на самом деле никогда не был мне мужем. Мне стоило поставить точку еще целую вечность назад. Как же я была слепа, когда сказала «да». Наверное, я еще легко отделалась: этот брак стоил мне всего лишь разбитого сердца и уязвленной гордости. Мы не занимались сексом больше года. Я даже сдала анализы – на всякий случай, хотя у меня и не было доказательств его измен. Сколько себя помню, секс всегда был на последнем месте в списке моих желаний.

Хотя у меня есть другие желания, и в последние недели они усилились. На самом верху списка – заставить Джеффа навсегда покинуть этот дом.

– У тебя был весь день на то, чтобы собрать вещи. Тоня вернется с Чейзом через полчаса, и я отказываюсь делать это при нем. Если хочешь какой-то вариант совместной опеки, предлагаю тебе нанять адвоката.

Красивые черты лица Джеффа, которые привлекли меня несколько лет назад, искажаются от ярости. Я не узнаю мужчину, в которого влюбилась, когда он орет так, что его голос

отражается от высоких потолков.

— Где мне найти в этом городе гребаного адвоката, который вообще согласится уделить мне внимание, если твоя фамилия Личфилд? Я бессилен, и ты это знаешь. Подай ходатайство об аннулировании документов, Эви.

Я скрещиваю руки на груди, распрямляю спину и не обращаю внимания на чувство вины, которое царапает меня, как ногти школьную доску.

— Мне потребовалось слишком много времени, чтобы дойти до этой точки, но я приняла решение и не отступлю. Я дала тебе больше шансов, чем ты заслуживаешь. Если не хочешь собирать сумку, твое дело. Я организую упаковку твоих вещей и отправку их тебе, но ты уходишь.

— Куда, по-твоему, мне идти? У меня нет никакой гребаной работы.

— Я не знаю, и мне все равно. У тебя есть кредитная карта, вот и пользуйся ею. Тебе снова придется устроиться на работу. Ты уволился два года назад, но ты же не сидел дома с Чейзом, как собирался. Ты же говорил, что хочешь быть с ним. Но он весь день с няней, каждый день, а ты ведешь свою прекрасную жизнь — проводишь время в спортзале или на этом чертовом катере. Ты только рыбачишь со своими любящими халяву друзьями. Кто знает, чем ты еще занимаешься, когда отсутствуешь целый день. С меня хватит, и мне плевать, куда ты пойдешь. Здесь ты больше жить не будешь. Убирайся.

Сердце пускается вскачь, когда он делает два шага ко мне.

Все эти годы, пропитанные ложью и пустыми обещаниями, я жила с разбитым сердцем, но никогда прежде мне не было страшно. Я ни разу не чувствовала себя в опасности – до этого самого мгновения. Я выставляю ладонь, преграждая ему путь, а другой рукой выхватываю из кармана телефон.

– Если посмеешь только прикоснуться ко мне, я вызову полицию.

Он фыркает и выдыхает, всем своим видом демонстрируя отвращение.

– Прикоснуться к тебе? Я не помню, когда ты в последний раз позволила мне к себе прикоснуться. Так что ничего нового. Это было до того, как ты стала холодной сукой.

– Если женщин игнорируют и им врут, то это злит и выводит из себя. Мне приходилось неоднократно проверяться на ЗППП. Мне следовало давно тебя выгнать, но почему-то я думала, что ты изменишься – что есть шанс, что ты поставишь нас с Чейзом на первое место. Я ошибалась.

Он возвышается надо мной, обдумывая очередную ложь, которой привык себя тешить. Господи, да я и сама повторяла эту ложь про себя снова и снова, пытаясь в нее поверить. Я жила молитвами о том, что он станет другим. Ради меня и, самое главное, ради нашего сына.

Но я нахожу в себе силы продолжить этот разговор.

– До этого можно было не доводить. Мы друг другу не нужны, и это пора признать. Я смертельно устала, Джефф. Устала лицемерить и надеяться на чудо. Последние годы я

просто создавала видимость семьи ради Чейза. Если не готов собирать вещи, проваливай немедленно. С меня хватит.

Он делает глубокий вдох перед тем, как провести рукой по лицу, выглядит так, словно размышляет обо всех мировых проблемах, только не думает о нас и семье, которую мы создавали вместе. Мне стыдно, что я заметала под ковер все проблемы нашего брака.

Джефф продолжает на меня смотреть, но презрение исчезает с его лица, когда он практически умоляет:

– Я буду побольше стараться. Клянусь. Я уволю няnek и буду сам проводить все время с Чейзом, как мы и планировали. Не делай этого, Эви.

– Ты мастер трепать языком, – фыркаю я и взмахиваю рукой. – Ты делал *это* годами, но теперь время истекло. Я пришлю твои вещи. Сообщи адрес, когда где-то поселишься. Чейз не должен это видеть. Убирайся.

Джефф хватается за голову и с силой взъерошивает волосы, круто развернувшись ко мне спиной. Он не думал, что я пойду до конца. У нас очень долго все было плохо, но две последние недели оказались совсем другими.

Джефф стал другим.

Он на самом деле старался, чего не делал годами. Выслушивался передо мной, проводил время с Чейзом и...

Присутствовал.

Но его внезапное преображение не вернуло мне веру в наш брак – оно дало прямо противоположный эффект. Я

нутром чуяла подвох и теперь верила ему меньше, чем когда-либо. Я пыталась понять, что за этим стоит, но вместо того чтобы ценить его старания, я лишь все сильнее тонула в подозрениях. Я больше не могу так жить.

– Уходи, – повторяю я срывающимся голосом. – Я не изменю решение.

Он качает головой, но не поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

– Это не должно было случиться, – тихо говорит Джефф. Я хмурюсь.

– Немного поздновато для таких разговоров.

Джефф идет к входной двери, не думая ни о своих вещах, ни обо мне.

– У меня все наперекосяк. Полная задница!

Я молча смотрю, как он резко распахивает дверь и с грохотом захлопывает ее за собой. С такой силой, что трясется ураганоустойчивая дверная рама.

Машина Джеффа срывается с места, оглашая улицу визгом покрышек. Его последнее эффектное прощание. Я кидаюсь к двери, запираясь на все замки, хотя знаю: это лишь иллюзия. От Джеффа так не закроешься – у него есть ключи от этого дома. Нужно сменить замки, перекодировать сигнализацию. То гнетущее беспокойство, что зудело где-то внутри последние недели, вспыхнуло нестерпимой болью. Словно на свежую рану щедро сыпанули соли.

Жжет.

Я с трудом открываю глаза и смотрю на часы. Тоня всегда приходит вовремя и вскоре вернется домой с Чейзом. Она работает у нас всего несколько месяцев, но не опоздала ни разу. Я не могу позволить себе тратить больше ни одной секунды, поэтому бегу вверх по лестнице в нашу спальню. Теперь, когда этот разговор состоялся и Джефф убрался, я хочу, чтобы из этого дома исчезли все его вещи. До последней пылинки, напоминающей о его существовании!

Нервы окончательно сдают. Пальцы так сильно дрожат, что я едва справляюсь с дверцей его шкафа. Костюмы, которые он носил в офис, еще до того, как мы решили, что кто-то из нас должен осесть дома с Чейзом. И его спортивный костюмы, из которых он не вылезал, притворяясь, что пропадает в спортзале или, что бывало чаще, на рыбалке.

Рыбалка...

Мужу, который вскоре станет бывшим, придется искать новое хобби или новых друзей с катерами или лодками. Его любви к дорогим игрушкам вот-вот придет конец. Я вполне могу потребовать половину этого гребаного катера во время развода – просто чтобы насолить Джефффу.

Я набиваю одеждой один чемодан, кидая в него вещи без разбора, затем наполовину второй и перехожу к обуви. Я не уверена, почему меня беспокоило то, что есть у Джеффа. Я не помню, когда он в последний раз по-настоящему интересовался Чейзом или мной, когда мы его волновали – две последние недели не в счет.

Последние две недели получились самыми худшими.

Я подпрыгиваю, когда в тишине дома раздается дверной звонок, напоминающий гонг.

Это не может быть Тоня. У нее есть ключ. Я полностью ей доверяю, она приходит и забирает Чейза, чтобы чем-то его занять и чтобы он не сидел весь день дома.

Мне нужно собраться с мыслями и взять себя в руки. Я так живу – я решаю проблемы. У меня много пациентов. Мои сильные стороны – умение сосредоточиваться и хорошая память. Мне они необходимы. Я легко запоминаю болезни пациентов, их хобби, новых внуков и любимые десерты.

Мои нервы на пределе. Я не смогу нормально поддерживать беседу о погоде, не говоря уже про косточки на ноге или шоколадное печенье. А когда приходится вести разговор с пожилыми людьми, он всегда начинается с погоды.

Но у меня нет сил размышлять о том, приближается ли сезон ураганов или продержится более мягкая погода в предстоящие месяцы в южной Флориде. В дверь снова звонят.

И еще раз.

И еще.

Проклятье.

Кто теперь открывает двери, если никого не ждет?

Я не открываю.

Отец часто ругает меня за то, что не живу в охраняемом комплексе, в таком случае вопрос с нежеланными гостями отпадает сам собой. Но я, как и все те, кому не по карману

личная охрана, полагаюсь на технический прогресс. Я вывожу на экран изображение с камеры, установленной над входом.

На пороге стоит незнакомец в темных очках и терзает звонок. Он явно теряет терпение: желваки на волевой челюсти напряжены, а резко очерченные скулы кажутся еще острее. В очередной раз вдавив кнопку, он с досадой взъерошивает светлые волосы. На затылке они ложатся мягкими кольцами. Мужчина раздраженно качает головой и скрещивает на широкой груди мощные руки, сплошь покрытые татуировками.

Кто это, черт побери?

Мужик огромный и занимает большую часть экрана, чем простые смертные – те нежеланные гости, которых показывает камера. Готова поспорить: он все еще будет выглядеть зловеще, если станет широко улыбаться и уплетать разноцветную сахарную вату в виде единорога.

Я и не подумаю открывать. Сегодня мне меньше всего нужны помехи. Я специально перекроила весь график на вторую половину дня, чтобы разобраться с Джеффом, пока Чейза нет дома. И пациенты у меня записаны один за другим. Весь день расписан по минутам! Кто бы ни был этот тип, мне нужно, чтобы он вернулся в ту угрюмую дыру, из которой выполз, и больше никогда не возвращался.

Мой список проблем длиннее, чем оправдания моих пациентов, не пьющих достаточное количество воды независимо от того, сколько неприятностей с почками у них может

возникнуть из-за обезвоживания. Я не хочу добавлять в этот список раздражающих незнакомцев.

Я уже собираюсь снова повернуться к наполовину заполненному чемодану, но тут мужик у двери срывает с лица солнцезащитные очки и наклоняется. Его недовольство распространяется и на его глубоко посаженные голубые глаза, когда он смотрит прямо в камеру и едко говорит:

– Я знаю, что вы дома. Я не уйду, пока вы не подойдете к двери.

Я ахаю и прислоняюсь к стене, смотрю в шкаф, словно могу спрятаться между костюмами и тщательно отглаженными парадными рубашками Джеффа.

Мужик словно видит, как я собираюсь укрыться между вещами моего мужа, который вскоре станет бывшим, потому что не сдвигается с места и продолжает угрожать мне своим присутствием.

– Нам нужно поговорить. Поверьте: я не хочу здесь находиться точно так же, как вы не хотите меня здесь видеть. Если вы не спуститесь к двери, я буду вынужден предпринять другие меры. Мне этого не хочется, и вы совершенно точно тоже этого не хотите.

Вероятно, это один из дружков Джеффа. Они нечасто приходят к нам домой, только забирают его на пути в гавань или куда они едут, чтобы заниматься тем, чем они занимаются, а затем высаживают на обратном пути.

Я не знаю, что натворил Джефф, чтобы так разозлить это-

го типа, но вероятно, что-то очень плохое.

А поскольку я больше не доверяю ничему, что говорит или делает Джефф, возможности бесконечны.

Этот зверь, а не мужчина подается еще ближе к двери и давит на кнопку так, словно одержим желанием взять меня измором и сломать звонок, если потребуется. Прядь непослушных волос падает ему на лоб, когда он еще наклоняется, а его низкий голос бьет по мне сквозь динамики домофона. У меня перехватывает дыхание, когда он обращается непосредственно ко мне.

– Доктор Эвита Личфилд, нам нужно поговорить. Поверьте, сейчас я – единственный человек, без которого вам не обойтись. Открывайте дверь, черт возьми! Живо!

О, он назвал меня полным именем.

Никто не называет меня Эвитой, кроме моей матери. Кем себя считает этот тип? Внезапно мое беспокойство превращается в злость. Я не позволю ему выдвигать требования через мой видеодомофон и не собираюсь слепо выполнять его указания. Он может целый день там стоять и задыхаться от изнуряющей жары Флориды. Он не мой пациент.

Если у него случится обезвоживание, это не моя проблема.

Словно по требованию, он резко запускает руку за спину и открывает большой бумажник перед глазком видеокамеры. Его резкие черты лица исчезли с экрана, я вижу через камеру только жетон.

– Спецагент Мика Эмметт. Я не большой страшный волк, который пришел вас съесть. Я ваш рыцарь в сверкающих доспехах.

Агент? В смысле правительственный агент?

Кто вообще называет себя рыцарем в сверкающих доспехах?

Если бы я не была ответственной матерью, то спряталась бы в шкафу и никогда из него не вылезала. Но Тоня с Чейзом должны вернуться с минуты на минуту. Я только что выгнала мужа, и об этом не знает никто, кроме членов моей семьи.

Мне совершенно не нужен правительственный агент на крыльце, когда Тоня вернется домой.

Я поднимаюсь и бегу вниз по лестнице к входной двери. Звонок трезвонит не переставая, когда я открываю замки, распахиваю дверь и замираю на месте.

Вау.

У меня нет слов.

Когда я видела его на экране, мне казалось, что он – крупный мужчина, но то изображение не идет ни в какое сравнение с реальностью. Я среднего роста, но этот мужчина возвышается надо мной. Я не выпускаю ручку двери и готовлюсь захлопнуть ее у него перед носом, если потребуется.

– Кто вы такой и что вам нужно?

Он профессионально окидывает меня взглядом, затем всматривается в дом над моей головой. Его голубые глаза прищуриваются, когда он тихо спрашивает:

– Вы одна?

Сердце учащенно бьется у меня в груди, и я размышляю, не допустила ли ошибку. Любой может предъявить фальшивый жетон и удостоверение перед маленьким глазком видеокамеры. Почему я об этом не задумалась раньше?

– Нет, – вру я. – Мой муж наверху.

Пронзительный взгляд голубых глаз снова перемещается на меня.

– Правда?

– Он в душе.

Я начинаю закрывать дверь, потому что мне нужен барьер между мной и остальным миром, и желание поставить этот барьер всеохватывающее.

Спецагент придерживает дверь и с легкостью пресекает мою попытку. Его рука едва напрягается.

– Почему вы врете?

Я не выпускаю ручку и пытаюсь справиться с нервами.

– Зачем мне врать?

– Вот это я и хочу знать. Зачем вам врать?

– Кто вы такой и что вам нужно? – повторяю я свой вопрос.

– Вы одна, – утвердительно заявляет он.

– Послушайте, как бы вас там ни звали, мой муж наверху. Я попрошу его спуститься и поговорить с вами, когда он выйдет из душа. Но я сама занята.

Он не убирает руку с двери и имеет наглость сделать шаг

вперед и переступить через порог.

– Нет... – У меня начинается паника, я пытаюсь захлопнуть дверь, чтобы не пускать этого спецагента, но он не останавливается и переносит вес на одну ногу, чтобы снять что-то с бедра.

Он опускает взгляд и поворачивает какое-то колесико, когда насыщенный влагой воздух пронзает звуковой сигнал и треск. Он смотрит на меня, нажимая на «прием», и говорит в рацию.

– Привет, Круз, слышишь меня?

Рация вначале трещит, затем кто-то отвечает:

– Десять ноль четыре. Докторша дома?

Спецагент не сводит с меня глаз и на секунду делает паузу.

– Да, она здесь. Джеффа Майклса уже взяли?

У меня меняется выражение лица. Я отпускаю дверь, делаю шаг назад, обнимаю себя дрожащими руками.

– Черт побери, какой ты нетерпеливый, – быстро отвечает низкий голос. – Нам пришлось следовать за ним, пока он не выехал на автостраду. Мы сейчас как раз встаем за машиной полиции с подкреплением. Дай мне три минуты, и его арестуют. Что там с мальчиком и няней?

При упоминании моего сына мне становится трудно дышать. Так трудно, что я вполне могу тут рухнуть.

– Что происходит?

Мужчина (я могу только предполагать, что он говорит правду о том, кто он есть на самом деле) входит в дом без

приглашения. Дверь с грохотом захлопывается во второй раз за сегодняшний день.

– Где ваш сын? – спрашивает агент.

Проклятье.

Я думала, что моя жизнь – один кошмарный сон, когда ушел Джефф.

Я впиваюсь ногтями в кожу и продолжаю себя обнимать потными ладонями, страясь держаться. Внезапно я начинаю помогать федеральному агенту.

– С няней. Они должны вернуться домой в любую минуту. Пожалуйста, объясните, что происходит.

– Черт побери, – выдает он, подносит рацию ко рту, словно собирается отвечать. Но вместо этого обращается ко мне. И от его требования все нервные окончания в моем теле словно охватывает огнем. – Свяжитесь с нянькой и скажите, чтобы возвращались домой. Прямо сейчас. А мне сообщите их местонахождение, чтобы я послал наряд для их сопровождения.

Я дрожащим голосом объясняю, где в нашем районе находится парк, а затем чуть не роняю телефон, когда достаю его из кармана и начинаю набирать сообщение Тоне.

– Это мой сын. Я имею право знать, что происходит.

Агент Эмметт приказывает какому-то наряду искать Тони и Чейза, затем пристегивает рацию к поясу. Он выдыхает, затем скрещивает руки на широкой груди.

– Мэм, я не знаю, как лучше объяснить, поэтому сразу

перейду к делу и скажу все как есть. Ваш муж вас заказал.

Мой телефон падает на деревянный пол, и я едва слышу собственный голос.

– Что?

Он кивает один раз, подтверждая, что моя жизнь на самом деле превращается в кошмар, достойный кабельного телевидения.

– Деньги уже переданы. Работа полностью оплачена.

– Нет, – шепчу я. – У нас есть проблемы, но вы, вероятно, ошиблись. Он не стал бы этого делать.

Агент кивает, словно чтобы оспорить защиту моего мужа, которого я совсем недавно выгнала из нашего дома.

– И не только вас.

Я качаю головой, я хочу, чтобы это было ошибкой.

– Также и вашего сына.

У меня темнеет в глазах.

У меня кружится голова, я делаю шаг назад.

Ледяные голубые глаза агента прищуриваются.

– Эвита, с вами все в порядке?

Я не могу даже покачать головой. Прохладный воздух в моем доме внезапно густеет, я чувствую тяжесть в груди. Я не могу вздохнуть.

Последнее, что я вижу, – это как агент бросается ко мне, и чувствую, как огромная лапища обхватывает мою руку. Он притягивает меня к груди одной рукой, а второй обнимает за талию, чтобы я осталась в вертикальном положении.

Он выговаривает мое имя так, будто рычит, и этот звук вибрирует у меня под кожей.

– Эвита!

Земля уходит из-под ног.

Только благодаря медицинскому образованию я успеваю осознать, что со мной происходит, но никогда раньше я не чувствовала ничего подобного. Тело просто сдается.

Я теряю сознание.

3. Переломный момент

Эви

– Это Эмметт. Нужна скорая по месту жительства подозреваемого. Жена Майклса без сознания.

Рация трещит, как мне кажется, где-то в миле⁶ от меня. Мой мозг слишком затуманен, чтобы спорить или просить о помощи, но последнее, что я хочу, – это чтобы бригада скорой помощи врывалась в мой дом.

Когда я возвращаюсь в реальность, из рации доносится низкий раздраженный голос:

– Что, черт побери, ты с ней сделал?

– Я сообщил ей, что ее муж-ублюдок нанял киллера, чтобы ее убить. Просто отправь сюда бригаду. Я ее поймал до того, как она размозжила себе череп. Словно мне и без этого придется писать мало отчетов.

Я едва обращаю внимание на то, как мне трудно дышать, даже делать легкие вдохи, потому что сильные руки держат меня, словно в тисках.

Новые руки.

Незнакомые руки.

⁶ 1 миля = 1609 м.

Такие крепкие и непробиваемые. Я никогда не ощущала на себе ничего подобного.

– Эвита. – Мое имя напоминает бритву, прорезающую туман. Звучит требовательно, и я стараюсь открыть глаза, несмотря на незнакомую и всеохватывающую усталость, которая накрыла меня словно одеялом. Голубые глаза были последним, что я видела перед тем, как отключиться, а теперь они смотрят на меня сверху вниз, их обладатель хмурится. – Вы в порядке?

Я сглатываю комок в горле и качаю головой.

– Чейз. Мне нужен мой сын.

Мужик выпускает меня из рук, и спиной я чувствую пол. Я пытаюсь оттолкнуться, но агент кладет ладонь мне под грудь и не дает встать.

– Оставайтесь где лежите. Не хватало, чтобы вы еще ударились головой. Скорая уже едет, они проверят ваше состояние.

– Нет. Позвольте мне встать. Я отправила сообщение няне, но мне нужно ей позвонить. Я должна убедиться, что Чейз в порядке.

– Круз, вы нашли няньку с мальчиком?

Рация опять трещит и плачет.

– Мы их видим и едем за ними к дому. Будем через несколько минут.

Мужик опускает рацию на деревянный пол рядом со мной. Он склоняется к моей голове, опирается на одну руку

и ухмыляется, глядя на меня сверху вниз.

– С вашим сыном все в порядке. Мой напарник за этим проследит.

Я выдыхаю и подношу руки к лицу. Я дрожу, и совершенно не имеет значения то, что сейчас середина лета, а мы находимся на южной оконечности Флориды. Я страшно замерзла.

– Сделайте глубокий вдох. Сейчас подъедут парамедики и проверят ваше состояние, но мне на самом деле нужно поговорить с вами про вашего мужа.

Я качаю головой перед тем, как посмотреть на мужчину, который только что перевернул мой мир с ног на голову худшим из возможных способом.

– Как вас зовут? Повторите еще раз.

– Эмметт. Мика Эмметт.

– Я потеряла сознание. Отмените вызов скорой. Мне нужно просто полежать минутку, и со мной все будет в порядке.

Мика качает головой.

– Не могу. Мне нужно прикрыть свою задницу. Если вы снова отключитесь, а меня не окажется рядом, чтобы вас поймать, вина ляжет на мои плечи. У меня и так сегодня дерьмовый день, потому что дело, которым я занимался два года, только что полетело к чертям собачьим. Мне и так предстоит целую неделю писать отчеты. А я не хочу добавить вашу кровь к списку моих неприятностей.

Оказывается, что реальность такая же скотская, как и чув-

СТВО ВИНЫ.

– Почему вы думаете, что Джефф пытается меня убить? Он приподнимает густую бровь.

– Я не думаю, я знаю.

Я снова пытаюсь сесть.

– Он ужасный отец и муж, но он не убийца.

Мика снова толкает меня на пол, но на этот раз его рука остается плотно прижатой к моему прессу.

– Послушайте, киллеров нанимают не так уж часто. Фактически наемное убийство впервые испортило дело, которым я занимался. Наверное, вы можете назвать нас обоих девственниками в этом деле. У вас сейчас стадия отрицания того, что *ваш муж нанял киллера, чтобы вас убить*, но вам нужно отнестись к этому серьезно, пока мы не найдем того, кому он заплатил, и не уберем эту угрозу. Насколько я понимаю, вы этому не рады. Черт побери, так и я тоже. Я два года работал по делу, но когда чья-то жизнь оказывается под угрозой, я обязан вмешаться. Такие обязательства на меня накладывает правительство. Кроме того, мне совсем не нужно, чтобы это висело на моей совести. Может, я и скотина, но не в такой степени.

– Я давно нахожусь в стадии отрицания в том, что касается моего брака, но в это невозможно поверить. Такое не происходит в реальной жизни – или, по крайней мере, моей жизни. Я хочу услышать, откуда вы это знаете. Почему вы так уверены?

Вдалеке воют сирены в доказательство того, что моя жизнь вот-вот опустится до нового минимума. Может, у меня и получается прекрасно заботиться о моих пациентах, но, как и большинство докторов, я сама ненавижу быть пациенткой. Я не хочу, чтобы кто-то меня осматривал.

– Я хочу знать, почему вы так уверены.

Его рука напрягается, когда он сжимает челюсти. Спецгент не отвечает, вой сирен становится все громче и громче, затем этот звук обрывается.

– Вы не можете вот так взять и заявиться ко мне домой и сообщить, что мой муж хочет меня убить, и не предъявить никаких доказательств. Я врач. Я ничему не верю слепо.

– Заказ оплачен сегодня утром. Я здесь, чтобы сказать главное: вы с сыном в смертельной опасности. Вы обязаны принять все меры предосторожности, пока мы не будем уверены, что киллер обезврежен.

Голова у меня прекратила кружиться после первого в моей жизни и неожиданного обморока. Учитывая мою работу и семью, в которой я выросла, я по своей природе умею себя контролировать. Ничто не застает меня врасплох, и я всегда готова к худшему.

Результатам анализов. ПЭТ⁷. ЭКГ.

Нереалистичным ожиданиям от семьи.

Знаете... ко всем страшным и важным вещам, если дело касается судьбоносных событий, меняющих жизнь.

⁷ ПЭТ – позитронно-эмиссионная томография.

Дело не только в том, что меня так учили, меня так воспитывали. Есть очень мало вещей, к которым я не подготовлена.

– Доказательства важнее того, что вы посчитали нужным сделать, агент Эмметт. Джефф – дерьмовый муж и не заинтересованный в своем сыне отец. К сожалению, мужчин такого типа немало. Это не редкость. Но убийца? В этом меня потребуется убедить.

В дверь стучат, и одновременно оживает рация, которую Эмметт положил на пол рядом с нами.

– Мика, мы заворачиваем в квартал. Предупреждаю: нянька перепугалась, учитывая, что на всем пути домой ехала со скоростью двадцать миль в час.

– Отлично, – бурчу я себе под нос.

Агент смотрит на меня сверху вниз.

– Я представлю вам доказательства, и тогда скажете мне спасибо. Вы пожалеете, что не хотели верить незнакомому мужчине у себя на пороге.

Это предупреждение.

Мне совсем не нравится то, что я слышу, но думать сейчас об этом – непозволительная роскошь.

– С нетерпением жду доказательств.

Он качает головой.

– Леди, вы пожалеете о своих словах. Это совсем не то, чего ждут с нетерпением.

– Я могу справиться с правдой. Меня нервирует неизвест-

ность.

В дверь снова стучат, затем нажимают на звонок, который сегодня все проверяют на прочность.

– Обещаете оставаться на месте, чтобы я не беспокоился о том, что вы можете разmozжить голову, когда снова потеряете сознание?

– Я больше не потеряю сознание. Я не хочу пугать сына, когда он окажется дома. Бригада может проверить у меня основные показатели и доказать вам, что я в порядке.

Он выдыхает, раздраженно и с изрядной долей театральности. На сегодня с меня хватит мужских драм. Черт возьми, мне их теперь до конца дней хватит.

Больше никаких мужчин.

– Позвольте мне встать, – требую я.

Вместо того, чтобы дать мне сделать то, что я хочу, он не двигается и кричит:

– Дверь не заперта.

Я смотрю в сторону и вижу, как два медика из бригады скорой помощи заходят в дом со своими чемоданчиками. За ними вбегает Чейз, за которым идут Тоня и высокий красивый мужчина, к ремню которого пристегнута кобура с пистолетом. У него точно такой же жетон, как у Мики, прикрепленный по центру ремня.

Взгляд его темных глаз перемещается между мной и агентом, который прижимает меня к полу, глаза округляются.

– Что, черт побери, ты творишь, Эмметт?

Мика

— Два года. Два года работы по семьдесят часов в неделю, никакой жизни. Я практически жил в служебной машине или аппаратной, где занимался прослушкой. И все псу под хвост! Я был близок к цели. Проклятье, так близок, и все пошло к чертям собачьим.

— У тебя не было выбора.

Я смотрю на своего напарника и лучшего друга Бракса Круза. Мы с ним ближе, чем кровные родственники, с тех самых пор, как оказались в одной комнате в Академии. Он провел блестящую операцию, благодаря которой пошел вверх по служебной лестнице — на несколько лет внедрился в криминальную среду, сотрудничая с ЦРУ. Он все еще на волне эйфории, оттого что сделал себе имя. УБН позволило ему выбрать любое место службы после завершения операции. Он выбрал Майами.

Я последовал за ним, и мы с тех пор работаем в Волшебном городе.

Я рвал жилы, искал улики для предъявления обвинений и собрал достаточно доказательств, чтобы связать моего колумбийского дистрибьютора с очень крутым картелем в Панаме, когда это случилось.

Джефф Майклс.

Тупой ублюдок, который решил, что привлечение киллера

для убийства его семьи – это идеальный способ обойти брачный контракт, который восемь лет назад его заставила подписать жена, поступив очень мудро. После развода он остался бы ни с чем. А поскольку Эвита Личфилд – врач, да еще и из одной из богатейших семей в этой части страны, Джеффу совсем не хотелось законным образом завершать брачные отношения и оставаться с пустыми руками.

Поскольку в брачном контракте говорилось только про развод, но ничего про смерть, у Майклса оставался единственный вариант: «пока смерть не разлучит нас» после не очень счастливой совместной жизни.

У меня есть доказательства.

Но Бракс прав. Выбора у меня не было. Все в аппаратной слетели с катушек, когда слышали, как Джефф Майклс делает этот заказ. Мы не могли терять время и вмешались.

– Она тебе на самом деле не поверила? – уточняет Бракс.

Я смотрю сквозь двойное зеркало в переговорную, где доктор Эвита Личфилд с беспокойством массирует себе виски, а ее сын играет в какую-то игру на телефоне.

– Ты только посмотри на нее. Какая женщина захочет верить, что человек, за которого она вышла замуж, способен кому-то заплатить за ее убийство? А что хуже, еще и за убийство ребенка.

Бракс стискивает зубы и скрещивает руки на груди.

– Я в своей жизни видел много дерьма, но это полная задница. Майклс подписал себе приговор. Он заслужил того,

чтобы остаток жизни гнить в тюрьме.

В особняке разыгралась драма. После того как Эвита пришла в сознание, она сообщила всем, кто находился рядом, что потеряла сознание впервые. Она была возбуждена и напряжена, когда бригада скорой помощи проверяла у нее основные показатели жизнедеятельности. Докторша оказалась самой худшей пациенткой, которую мне доводилось видеть. Она выпила два стакана воды, заставила себя съесть протеиновый батончик и объявила, что она *в порядке*, прежде чем это сделали медики.

До того как я сегодня постучал в ее дверь, я никогда не видел ее вживую. Короткий запрос в «Гугле» выдал лишь страницу на сайте клиники. На групповом снимке она позировала в медицинском халате вместе с другими врачами.

Молодая.

Симпатичная.

Нет. «Симпатичная» – слишком простое слово для описания этой женщины.

Она изумительная.

Проклятье. Я слишком долго нахожусь в капкане своей безумной работы. Я никогда в жизни ничего не называл изумительным. Совершенно точно я так не описывал никакую женщину и никакого врача.

Мне нужно сосредоточиться.

– Мы понятия не имеем, кого он нанял. Майклс ждет в комнате для допросов. Но докторше нужно серьезно отне-

стись к этой угрозе.

Я не свожу с нее глаз, когда ее сын слезает со стула, оставляет на нем маленький телефон и начинает бегать вокруг стола для переговоров. Эвита берет телефон, начинает в нем что-то просматривать, затем бросает его на стол и закрывает лицо руками.

– Почему-то я думаю, что она мне поверила, – добавляю я. – Она просто не может принять это.

– Учитывая имеющиеся улики, убедить ее будет не очень сложно.

Я заставляю себя отвернуться от измученной женщины.

– Но ей нужны доказательства. Она их требовала.

Бракс приподнимает бровь.

– Она тебе это сказала, когда ты прижимал ее спиной к полу?

Я пожимаю плечами.

– Я так эффективней работаю.

Бракс фыркает.

– Я бы тебе поверил, если бы ты не пахал по двадцать четыре часа семь дней в неделю. У тебя должна быть личная жизнь.

– Ты говоришь как твоя жена. Но пока я сосредоточусь на том, чтобы доказать Эвите, что ее муженек заплатил какому-то психу за убийство ее и малыша. Я и так почти не смыкаю глаз. Не хватало еще из-за этого не спать. Ее нужно убедить, а сделать это может только ее муженек-ублюдок.

– Ты считаешь, что сможешь заставить его признаться ей?

– Ни в коем случае. Ее и близко к нему нельзя подпускать.

Но она может находиться с другой стороны двойного зеркала.

– Ты собираешься дать ей послушать допрос? – фыркает

Бракс. – Думаю... ну, не знаю. Это жестоко.

Я иду к двери.

– Это ее новая реальность. Если ей нужны доказательства, я положу правду ей на тарелку и скормлю золотой ложкой. Сон сейчас – единственное, ради чего я готов так стараться.

Бракс идет за мной.

– Ты безжалостный. По крайней мере, подготовь ее к тому, что ей предстоит услышать.

Я направляюсь к переговорной и резко распахиваю дверь.

Мальчик тормозит передо мной, а докторша устало смотрит и хмурится.

– Вы настояли, чтобы мы приехали сюда, но мы сидим в этой комнате уже больше получаса. Мало того что меня ждут пациенты, так еще и няня уволилась. Прямо сейчас! У меня все расписано на дни вперед, ни одного «окна». Я не могу позволить себе больничный, чтобы собрать жизнь по кусочкам. Вы не можете меня здесь держать. Если мне нужен адвокат, я его вызову.

Я перевожу взгляд с ее сына на нее и говорю так, чтобы он ничего не понял:

– Вы хотели получить доказательства. Я вам их предостав-

лю.

Она выглядит изможденной после обморока и прикусывает губу перед тем, как посмотреть на сына, который бросается к ней и хватается за колени.

– Мама, я хочу есть.

Она проводит пальцами по его густым темным волосам, такого же оттенка, как и у нее, – темного шоколада.

– Знаю, малыш. Мы скоро поедem домой, и я приготовлю тебе ужин.

– У меня полно снеков в ящике стола, – влезает Бракс. – Я их держу для своего сына, когда он сюда приходит. Пошли, посидишь со мной; и можешь есть все, что захочешь, пока твоя мама говорит с агентом Эмметтом. Пойдешь?

– Нет, – отвечает Эвита. – Он должен остаться со мной.

– Если хотите получить доказательства, это не самая лучшая мысль, – поясняю я.

– Как тебя зовут? – спрашивает Бракс у ее сына.

Мальчик вырывается из рук матери и бежит к мужчине, который подкупил его едой.

– Чейз!

Бракс вытягивает вперед сжатую в кулак руку – чтобы стукнуться кулаками с мальчиком.

– Круто. Меня зовут Бракс. Я как полицейский, но только в джинсах. Ты будешь недалеко от мамы, но вообще никогда никуда не ходи с незнакомыми людьми, хорошо?

Чейз смотрит на мать.

Эвита вздыхает.

– Он прав. Но с ним ты можешь пойти. Веди себя хорошо и попытайся не свести его с ума своими разговорами.

Чейз смотрит на своего нового друга.

– А какие у вас снеки?

– Печенье, чипсы, может, еще и шоколад остался, если Мика не весь съел.

Чейз продолжает болтать:

– Вы отправляете плохих парней в тюрьму?

– Да, – подтверждает Бракс.

У Чейза округляются глаза.

– Я могу посмотреть тюрьму?

– Нет, – твердо отвечает Бракс. – Не можешь.

Чейз сникает.

– Я надеюсь, что тот, про кого вы говорили, не съел весь шоколад.

Они удаляются по коридору, Чейз спрашивает Бракса, есть ли у него сирена в машине и приходится ли ему ездить на высокой скорости.

Я смотрю на мать Чейза и открываю перед ней дверь.

– Пойдемте, Эвита, побудем мухами на стене. Получите все доказательства, какие хотите.

Она немного колеблется, затем берет телефон и сумочку. Сильно сомневаюсь, что в ней есть хотя бы пять футов пять дюймов⁸. Ее волосы спутались и волнами лежат на плечах. Я

⁸ 1 фут = 30,48 см, 1 дюйм = 2,54 см.

успел оценить ее фигуру, когда держал в объятиях: стройная, тонкая, лишенная выдающихся форм. Она замирает передо мной и задирает голову.

– Никто не называет меня Эвитой, кроме моей матери.

– Учту, доктор Личфилд. Я совершенно точно не ваша мать.

– Эви, – объявляет она. – Все, за исключением моих пациентов, называют меня Эви.

– Эви, – повторяю я и решаю, что она мне сейчас нравится больше, чем две секунды назад. Эвита – это чопорно и официально. Я ненавижу чопорность и официальность. – Вы готовы?

Ее маленькая грудь вздымается и опускается в такт глубокому дыханию, но я не отвожу взгляд от ее шоколадных глаз.

– Куда мы идем?

– Вашего мужа сейчас будут допрашивать, а мы будем смотреть. Мой начальник собирается спрашивать его обо многих вещах, но в первую очередь о найме человека для убийства вас и Чейза. Независимо от того, признает он это или нет, я обещаю, что вы во всем убедитесь.

Она накидывает ремень сумочки на плечо и устало вздыхает.

– Наш брак давно трещал по швам, а доверять мужу я перестала еще раньше. Сильно сомневаюсь, что сегодня он скажет вам хоть слово правды.

– В таком случае хорошо иметь доказательства.

– И что это за доказательства?

– Эви, – произношу я и запинаюсь. Я во второй раз пробую произнести ее краткое имя, и мне оно нравится еще больше. – Вашего мужа прослушивали по приказу федерального правительства. Сказать, что он влип по полной, – это ничего не сказать. Меня беспокоит только ваша безопасность и безопасность вашего сына.

Ее розовые пухлые губы приоткрываются, когда она делает легкий вдох.

М-да, плохи дела.

4. Заказ

Эви

– Я этого не делал! Я не знаю, откуда вы получили эту информацию, но я люблю свою семью. Я никогда не причиню им вреда.

Лицо Джеффа побагровело. Его голос, усиленный динамиками, гремит на всю комнату, срываясь на крик. Мы молча следим за допросом через мониторы системы видеонаблюдения.

Меня представили старшему агенту Тиму Коулману перед тем, как начался этот цирк уродов.

Я смотрю на мужчину, которого всего несколько часов назад выгнала из нашего дома.

Моего мужа.

Отца моего сына.

– Как это возможно? – бормочу я себе под нос.

Мика делает пару шагов и встает рядом со мной.

– Вы в порядке? Снова в обморок не грохнетесь?

Я качаю головой, но не могу отвести взгляд от экрана, на котором продолжает говорить агент Коулман.

– Заказ полностью оплачен, не так ли?

Даже на мониторе видно, как кровь отливает от лица Джеффа.

– Как давно вы это организовали? – продолжает допрос Тим. – У вас есть очень небольшой шанс для того, чтобы пойти на сделку со следствием. Но если вы не станете с нами сотрудничать, окошко закроется. Выкладывайте, кому вы заплатили, и тогда, может быть, у вас появится шанс не сгнить в тюрьме от старости.

Мой муж тщеславен. Старость для него – личное оскорбление, а старость в оранжевой робе, под прицелом тюремных камер – абсолютный крах. Джефф начинает паниковать.

– Нет. Я не понимаю, о чем вы говорите...

– Запомните эту мысль. – Тим поднимает палец вверх, призывая моего мужа к молчанию, и тянется к ноутбуку, который стоит перед ним. Старший агент открывает его, нажимает на несколько клавиш и поворачивает к Джеффу. – Послушайте вот это.

Я предполагаю, что сейчас услышу запись разговоров мужа, потому что Мика сообщил мне о прослушке, но он так и не объяснил мне, почему они изначально стали его прослушивать.

Я задерживаю дыхание.

Я боюсь.

Я боюсь доказательств, которые так рьяно требовала.

Доказательств, которые изменяют мою жизнь.

Или, что еще хуже, положат конец моей жизни.

Моей и моего милого мальчика.

В комнате для допросов звучит голос, который я не узнаю.

— Я же тебе сказал — такие вещи отнимают много времени. Он работает, но этот случай труднее обычных заказов.

— Уже несколько месяцев прошло. Я больше не могу играть роль, я не могу находиться в этом доме вместе с ней. Я подписал брачный контракт. Ее отец меня заставил — и это мой единственный выход. Я устал ждать.

Мне во второй раз за сегодняшний день становится трудно дышать, и я просто заставляю себя втягивать воздух.

Второй раз за все годы моего замужества ко мне прикасается другой мужчина. Его широкая ладонь медленно скользит по моей пояснице, уверенно обхватывает бедро и крепко держит.

У Джеффа меняется выражение лица. Он может только смотреть на ноутбук, из которого доносится его голос, когда воспроизводится запись. Его личного разговора.

Его заказа на убийство.

— Ты уверен, что хочешь и ребенка включить в заказ? Это твой последний шанс изменить решение.

Я ничего не могу с собой поделать. Я прижимаюсь к широкой груди Мики. Сейчас поддержка мне требуется гораздо больше, чем дома. Он меня не обманывал, когда говорил, что у них есть доказательства.

Джефф все-таки колеблется. Видимо, остатков его совести как раз хватило на то, чтобы ужаснуться мысли об убий-

стве Чейза. Хотя бы на миг.

– Да. Начну все с чистого листа. Не нужен мне этот груз.
Я резко поднимаю руку ко рту и давлюсь сдавленным криком.

Незнакомый мужчина, чей голос звучит на записи, вздыхает.

– Как закажешь. Я дам знать своему человеку. Это будет стоить еще четверть миллиона.

– Что?! – орет Джефф. – Я уже заплатил пятьсот тысяч. Большие ты не получишь от меня ни цента.

– Не знаю, что тебе сказать. Цена возросла. Инфляция и риск. Если ты хочешь, чтобы это было сделано, придется найти деньги.

– Проклятье. – Джефф делает паузу перед тем, как согласиться. – Хорошо. Я заплачу. Но пусть на этот раз он все-таки выполнит свою работу. Мне плевать, как и где, но лучше пусть на этот раз не напортачит. Эви и Чейз должны быть вместе, и случившееся должно быть невозможно связать со мной. Мне нужно железное алиби. Я не хочу во второй раз через все это проходить.

Я больше не могу смотреть на мужа, ни одной лишней секунды. Я забываю, что нахожусь с незнакомцем, и прячу лицо на груди у Мики, чтобы на этот раз разрыдаться по-настоящему.

Я плакса и всегда много плакала. Но это другой плач. Совсем другой.

Джефф продолжает говорить.

– Я хочу знать, кто будет выполнять работу, и удостовериться, что он все сделает как надо. Откуда мне знать, что ты не кладешь мои деньги себе в карман, а потом еще решишь меня шантажировать?

– Так не получится. Мой человек никогда не встречается с клиентами.

Мертвая тяжелая тишина окутывает небольшую комнату, только мои всхлипывания нарушают ее. Я сжимаю в кулаке футболку Мики. Мне плевать, что он для меня фактически незнакомый человек. Он сказал, что у него есть доказательства, а я потребовала их мне представить.

Спецагент оказался человеком слова.

Я не знаю, смогу ли я это выдержать, если придется слушать дальше. Мне хочется кричать и требовать отключить прямую трансляцию. Но ведь я просила доказательства. И я их получила.

Я должна знать все. Я так работаю и так живу.

– Скажи мне, когда и где передать деньги. Я приеду.

Нет. С меня хватит.

– Выключите, – прошу я, обращаясь к груди незнакомого мужчины. – Пожалуйста, выключите. Вы доказали свои слова. Я не могу это слушать.

Я и не осознавала, что рука Мики поднялась вверх к моим волосам, и теперь он прижимает мою голову к груди. Но он выпускает меня из объятий на секунду, чтобы взять пульт и

отключить телевизор.

Я понятия не имею, что происходит в комнате для допросов или о том, как Джефф теперь попробует выкрутиться. Он никак не сможет опровергнуть собственные слова.

Рука Мики снова опускается мне на затылок. Я понимаю, где нахожусь, с кем и что я сделала.

Мне нужно взять себя в руки.

Я делаю шаг назад, и татуированные руки, которые крепко меня держали, соскальзывают.

– Простите. То есть я хотела сказать: спасибо. Вы были правы. Я именно это и просила – знаете ли, доказательства. – Я качаю головой и утираю слезы. Я не могу ничего с собой поделать: внутри меня закипает паника. – Мне нужно уходить отсюда. Где Чейз? Я хочу забрать сына домой. Прямо сейчас.

Мика делает шаг вперед, сжимает мои плечи и напряженно смотрит на меня голубыми глазами.

– Успокойтесь. Чейз с Браксом. Не нужно, чтобы он вас видел в таком состоянии. Теперь вы все знаете, и нам необходимо кое о чем поговорить.

Я качаю головой.

– О чем тут говорить? Вы же можете со всем этим разобратся, правильно? Просто арестуйте всех, кого нужно. Я разведусь с Джеффом – и быстрее, чем планировала, и мы все сможем идти по жизни дальше. То есть я надеюсь, что Джеффу предъявят обвинение. Нельзя просто заплатить ко-

му-то за убийство двух человек без последствий, даже если убийства не совершены. Он это признал – у вас есть доказательства. Делайте свою работу, а я сделаю все, что в моих силах, чтобы Чейз как можно меньше знал про человека, который заслужил гореть в аду. Вот и все. Конец истории.

Мика качает головой.

– Это совсем не конец, Эви. История даже близко не подошла к окончанию. Вы не можете просто поехать домой и продолжать жить своей жизнью.

Я пытаюсь от него отстраниться, но он крепко меня держит.

– Почему? Жизнь Чейза вернется в нормальное русло, только без его нерадивого отца. Вот и все.

Мика крепче сжимает меня.

– Вам и вашему сыну угрожает опасность, пока мы не найдем исполнителя. Заказ сделан. Эви, мы понятия не имеем, кому он заплатил.

– Что? – Слово срывается с моих губ как выдох. – Что вы имеете в виду? Как не знаете? С кем разговаривал Джефф? Кто этот тип? Арестуйте его. Заставьте его вам сказать.

– Нам нужно его найти. Его зовут Эддер, это все, что нам известно. Вы слышали это имя раньше? Джефф его упоминал?

Я качаю головой.

– Нет. Никогда не слышала. Но Джефф никогда ни про кого не рассказывал. Никогда никого не приводил домой.

– Выписан ордер на его арест. Когда мы возьмем его, останется только надеяться, что он заговорит. Но до тех пор ничего не кончено. Ваш муж запустил механизм, который сам уже не в силах остановить. Судя по записи, у нас нет причин в этом сомневаться. Вам с Чейзом угрожает большая опасность, пока мы не выясним, кто этот наемный убийца, и не остановим его.

– Так не пойдет. Я работаю. Я нужна своим пациентам. И только что уволилась няня Чейза. Она заявила, что не подписывалась на полицию и скорые. Она написала мне сообщение, и у меня еще не было возможности попробовать уговорить ее остаться. – Я отхожу от Мики и плюхаюсь на стул рядом со столом. Мало мне было обморока, а тут еще добавилась новость о том, что муж нанял киллера. Я не просто вымотана, я на грани. – Вероятно, она устала от бесконечной болтовни Чейза. Я думаю, что она просто искала повод для увольнения. А сопровождение сотрудниками УБН оказалось просто идеальной причиной. Хотя и оказаться в самом центре сценария заказного убийства тоже не подарок. Неважно, сколько я ей плачу. А плачу я на самом деле хорошо.

Мика смотрит на меня сверху вниз.

– Вы не должны от этого отмахиваться. Может, это сильно встряхнет вашу жизнь, но вам нужно отнестись к делу серьезно. Люди, с которыми работал ваш муж, шутить не любят. Они или выполняют заказ, или их самих устраняют.

У меня кружится голова от деталей, с которыми мое со-

знание не готово справляться.

– Я не могу работать удаленно, из дома. Мне нужно находиться в моем кабинете в клинике, принимать пациентов, проверять их в больнице. А теперь у меня еще и няни нет.

– Няня сейчас – наименьшая из ваших проблем. Не она вас должна беспокоить. Вам нужна круглосуточная охрана.

– Охрана? Но как мне тогда работать? Проклятье. – Я провожу руками по волосам и думаю, насколько все еще может стать хуже в этот день. – А откуда мой муж взял деньги? Да еще и наличные? У меня к каждому нашему банковскому счету подключено оповещение об операции – мне тут же приходит уведомление. Я бы не пропустила снятие такой суммы.

Мика молчит. Я поднимаю голову и вижу, что он изучающе смотрит на меня.

– Что? – спрашиваю я.

– Вы на самом деле не понимаете. – Это утверждение, не вопрос.

– Агент Эмметт, я много работаю. У меня свободна вторая половина дня раз в неделю, я дежурю каждые третьи выходные. Даже если я не на дежурстве, я проверяю состояние пациентов, если они находятся в больнице. Когда я попросила Джеффа о разводе, это и так достаточно сильно встрянуло мою жизнь. А то, что я узнала сейчас, гораздо больше. Поэтому сказать, что я на самом деле не понимаю, – это ничего не сказать.

Он ерошит волосы, и выражение его лица заставляет по-новому взглянуть на слово «раздражение». Это уже не просто злость: к ней примешивается глухая досада, разочарование и отчаяние.

– Ваш муж перевозил наркотики с Багамских островов для одного из крупнейших дистрибьюторов в Центральной Америке. Последние пару месяцев за ним велось наблюдение.

Все мысли об охране и няне улетучиваются у меня из головы.

– Перевозил наркотики?

Мика кивает и приподнимает бровь.

– Ваш муж нашел способ подзаработать, одновременно играя в игрушки для больших мальчиков.

– Катер, – произношу я шепотом.

– Я никогда не видел, чтобы колумбийский наркокартель предлагал прямой перевод средств на счет, поэтому, думаю, наличные у него оттуда. – На этот раз Мика пожимает плечами. – Он никогда не был тем самым примерным отцом-домоседом. Это была лишь роль, которую он играл, чтобы пустить вам пыль в глаза.

Злость сменяет боль и обиду. Мы купили этот катер сразу после рождения Чейза. Джефф говорил про него всю мою беременность. Дела тогда шли гораздо лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.